

2005.

Einladung

zur

Öffentlichen Prüfung

und

feierlichen Entlassung

im

hiesigen Gymnasium am 26. und 27. Junius;

und zu

den öffentlichen Prüfungen

in

der russischen Kreis- oder Handelsschule am 28.,
und in der zweiten Kreis- oder Handelsschule
am 29. Junius.

Vorausgeschickt ist eine Abhandlung:

О ПРОИЗНОШЕНИИ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ,

соч. старшаго учителя

Ш А Ф Р А Н О В А.

N i g a,

gedruckt in der Müllerschen Buchdruckerei.

1846.

ESTICA

A. 1951.

Der Druck wird unter den gesetzlichen Bedingungen gestattet.
Riga, am 13. Juni 1846.

ESTICA

Dr. C. E. Napieršky, Censor.

A. 1957.

TRU Stammtafel

3282

О произношеніи

ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

Объ трудностяхъ русскаго произношенія здѣсь господствуетъ весьма преувеличенное понятіе, основанное частію на разногласіи русскаго правописанія съ произношеніемъ и книжнаго языка съ разговорнымъ вообще, частію выводимое изъ разнообразія русскихъ областныхъ нарѣчій, которыя приходится слышать въ здѣшнемъ городѣ, куда стекаются Русскіе изъ окрестностей Москвы, Ярославля и Суздаля, изъ Бѣлоруссіи, съ верховьевъ Западной Двины и Волги. Въ опроверженіе нѣкоторыхъ на сей счетъ предубѣжденій, неблагопріятствующихъ быстро распространяющемуся въ здѣшней провинціи стремленію къ изученію Русскаго Языка, показалось мнѣ своевременнымъ и умѣстнымъ предложить здѣсь краткое обзорѣніе главныхъ русскихъ діалектовъ, представить важнѣйшія особенности московскаго нарѣчія и наконецъ объяснить разногласія русскаго правописанія съ произношеніемъ, сколько то позволяютъ ограниченность источниковъ и пособій по этому предмету и предѣлы статьи.

Русскій языкъ, занимающій первое мѣсто въ семьѣ соплеменныхъ славянскихъ языковъ, распадается на три главные нарѣчія: великорусское, малороссійское и бѣлорусское. Эти три главные вида русскаго языка въ обширномъ смыслѣ, развившіеся на одной общей основѣ, въ теченіи времени, отъ различія исторической судьбы племенъ, ими говорящихъ, до того отдалились другъ отъ друга, что ихъ обыкновенно считаютъ тремя однородными, но самостоятельными языками; при чемъ великорусское нарѣчіе, какъ представитель двухъ остальныхъ, удержало за собою по преимуществу названіе русскаго языка. Различіе между этими тремя главными видами совсемъ не такъ велико, какъ многіе думаютъ, и ничуть не болѣе того, какое существуетъ между нѣкоторыми разностями нижненѣмецкаго народнаго языка (*plattdeutsche Mundart*), хотя этотъ послѣдній не удостоенъ нѣмецкими лингвистами названія отдѣльнаго языка, но считается только нарѣчіемъ общаго нѣмецкаго языка наравнѣ съ верхненѣмецкимъ (*hochdeutsch*), и всѣ прочіе весьма многочисленныя нѣмецкіе діалекты причисляются только къ разностямъ одного изъ двухъ главныхъ нарѣчій.

По изслѣдованіямъ Г. Максимовича *) въ отношеніи гласныхъ только четыре существенныя особенности отличаютъ малороссійскій языкъ отъ великорусскаго, именно: 1) *о*, никогда не обращающееся въ *а*, 2) мягкое *и*, произносимое гортанью и близкое къ *е*, 3) особенная привязанность къ звуку *и*, который въ произношеніи всегда слышенъ вмѣсто *ь*, 4) *а* часто вмѣсто *о* и другихъ гласныхъ. Единственную же характеристику бѣлорусскаго языка въ этомъ отношеніи составляетъ частое употребленіе твердаго *а* вм. *о* и *я* вм. *е*; впрочемъ подобное превращеніе *е* въ *а* замѣтно и во многихъ разностяхъ великорусскаго языка, гдѣ также говорится: *табь*, *таперь*, *заво*. Тогда какъ въ разныхъ нарѣчіяхъ нижненѣмецкаго языка ученый Кригеръ **) отказался отъ всякой возможности найти какой нибудь постоянный законъ выговора гласныхъ и принужденъ былъ изобразить этотъ послѣдній въ таблицѣ, образецъ который при семъ прилагаю.

*) Истор. древн. Русской Словесн. ч. I. Кіевъ 1839.

**) Uebersicht der heutigen plattdeutschen Sprache. Emden 1843.

обличают их нерусское происхождение, — это гласная *и* и согласная *ш*, которые чисто произносятся весьма рѣдкіе изъ нихъ выучиваются. Буква *и* — камень преткновения для Нѣмцевъ, какъ и для всѣхъ иностранцевъ вообще. Они довольно легко усваиваютъ себѣ выговоръ всѣхъ прочихъ русскихъ гласныхъ, полныхъ и тонкихъ, и скоро понимаютъ различіе между ними; потому что Нѣмцы напр. выговариваютъ свои гласныя тоже иногда твердо иногда же мягко, что можно слышать въ произношеніи словъ: Brand и Blatt, Brust и Blut, besäen и böse; въ послѣднихъ двухъ словахъ легко отличить три разныхъ звука одной гласной *e*. Хотя и здѣсь видѣть можно, что ихъ полныя гласныя (если только можно такъ назвать ихъ) не такъ полны и тонкія ихъ не такъ тонкія, какъ въ русскомъ языкѣ. Но звукъ *и* Нѣмцы рѣшительно не могутъ произнести полнѣе. Послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ мнѣ повезло наконецъ найти для учениковъ довольно вѣрный способъ, коимъ они могутъ привыкнуть къ выговору нашего могучаго, неподражаемаго *и*. Я заставлялъ ихъ складывать губы для произношенія *у*, и въ тоже мгновеніе съ силою выговаривать *и*, и всякій разъ получалъ въ добычу очень хорошее *и*. Учащая такое упражненіе, многіе даже весьма полюбили этотъ звукъ, казавшійся для нихъ сначала такъ дикимъ, и выговариваютъ его довольно свободно, хотя далеко еще отъ Русскихъ, которые имѣютъ завидную способность выговаривать это дородное *и* рядомъ съ тонкимъ *и*, какъ напр. въ пѣснѣ: „Оставляй тоску — печаль въ темныхъ лѣсахъ.“ Звукъ *ш* Нѣмцамъ совсѣмъ не такъ трудно выучиться произносить, какъ это имъ кажется. Они произносятъ же легко англійское, итальянское или хоть русское *т*; теперь стоитъ только прибавить къ этой буквѣ *с* или *ш* и выдетъ *сш* или *шш*, то есть тоже самое что *ш*. Причина, по которой Нѣмцы приходятъ въ смущеніе при встрѣчѣ съ этою буквою, заключается вѣроятно въ томъ, что нѣкоторые толкователи учатъ разлагать букву *ш* на *шти* и изображать ее по-нѣмецки такъ schtsch; но вѣдь это совсѣмъ несправедливо; потому что въ такомъ шипѣніи нѣтъ ничего похожего на наше звонкое *ш*, напр. *шдушій* совсѣмъ не то, что *шдушій*. На этотъ счетъ приведу слова первѣйшаго нашего Филолога Протоіерея Павскаго *). „Наши слоги „не такъ трудны для произношенія, какъ воображаютъ себѣ иностранцы. Правда, „если наши слоги напишешь Латинскими или Нѣмецкими буквами, и повѣришь „тѣмъ нашимъ грамматикамъ, которые разлагаюъ *ш* на *шти*; то изъ нашего языка „выдетъ языкъ ужасно не благозвучный, которому подобнаго нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ. „Если *ш* есть тоже, что *шти*, какъ утверждаютъ Г. Востоковъ и Г. Гречъ, то въ „нашихъ словахъ *щетный*, *щедрость*, *щастіе*, ни мало не трудныхъ для произношенія, окажется слѣдующій выговоръ: *тшшетный*, *тшшедрость*, *тшшастіе* не стерпимый даже для Грузинца, умѣющаго выговаривать: мп кр о б а д, б р ц к и н в а л е б а, с и б р д з н е. Разлагать *ш* на *шти* наши Грамматики, безъ всякаго сомнѣнія, научились у Нѣмцевъ, которые слогъ *тше* не иначе могутъ написать, какъ tschtsche. Во-семь, или шесть (не считая *h*), согласныхъ предъ одною гласною!! ужасно! Но къ счастью у насъ такихъ дивныхъ слоговъ не выдвигано, и такого грубаго произношенія не слыхивано. Ухо наше въ словахъ: *щетный*, *щедрость* слышитъ только *тшетный*, *тшедрость*. Въ первомъ случаѣ за одну гласную держатся три согласныя, во второмъ двѣ, и при томъ въ числѣ ихъ есть *ш*, которая, какъ придыхательная, по выговору своему нисколько не труднѣе чистой буквы *с*. Придыханіе не дѣлаетъ буквъ составными.“

Что касается до стеченія многихъ согласныхъ, спереди или сзади держащихся за одну гласную, то вообще слѣдуетъ замѣтить, что такое стеченіе согласныхъ ни мало не характеризуетъ Русскаго языка, а слѣд. и не затрудняетъ для всякаго иностранца изученія русскаго произношенія. Доказательство того можно видѣть въ

*) Филологич. Наблюд. Разсужд. I. стр. 71.

изслѣдованіяхъ Г. Максимовича, изъ которыхъ ясно, что русскій языкъ отличается отъ всѣхъ западныхъ славянскихъ обиліемъ гласныхъ и въ слѣдствіе того протяженностію словъ. Это полногласіе исконное свойство славянскихъ языковъ вообще, но утрачено западными славянскими языками, и сохранено преимущественно великорусскимъ, и можетъ служить ручательствомъ его древнѣйшаго происхожденія, по сходству его въ этомъ отношеніи съ санскритскимъ. Тогда какъ сокращенность словъ въ западныхъ славянскихъ языкахъ доходитъ иногда до безгласія, гдѣ говорится напр.: *Грка, стлп, влк, тлк, смрт, плн*; Русскій произноситъ тѣже самыя слова такъ: *Грека, столпъ* или даже *столопъ, волкъ, толкъ, смерть*, а по верхнерусскому нарѣчію даже *семереть, полонъ*. Такую наклонность къ опущенію или даже заглупленію гласныхъ среди коренныхъ согласныхъ можно объяснять отчасти также и привычкою скоро говорить, стольже свойственною племенамъ южнымъ, какъ и сѣвернымъ, вообще одареннымъ живостію и быстротою мышленія. Такимъ образомъ въ московскомъ нарѣчіи, особенно городскомъ, упомянутое полногласіе, значительно убавившееся отъ вліянія письменнаго языка, почти совершенно незамѣтно при извѣстной скороговоркѣ Москвичей, которою они такъ разительно отличаются особенно отъ заволожскаго русскаго народонаселенія, что пріѣхавшему изъ Москвы въ Сибирь рѣчь тамошнихъ Русскихъ кажется совершеннымъ пѣніемъ. Москвичи же терпѣть не могутъ медленнаго и растянутаго произношенія и называютъ его въ насмѣшку *рѣчью съ поволокою*. Посему истому Москвичу въ здѣшней провинціи нужно много работать надъ удержаніемъ бѣга своей мысли и рѣчи, если онъ хочетъ быть понятнымъ не токмо для учащихся только порусски Нѣмцевъ, но и для здѣшнихъ природныхъ Русскихъ. Эта скороговорка Москвичей, доходящая въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фамиліяхъ до изумительности, имѣеть, можетъ быть, свое основаніе въ центральномъ положеніи Москвы, гдѣ, какъ въ сердцѣ Россіи, жизнь народа течетъ и обращается съ удвоенною скоростію, отъ чего въ быстромъ разговорѣ твердыя гласныя смягчаются, полныя укорачиваются, а принятія только для благозвучія и совсѣмъ выбрасываются, какъ будто изъ опасенія потери времени. Но вообще можно утверждать, что русскій языкъ отнюдь не имѣеть особенной склонности къ выговору многихъ согласныхъ, стоящихъ рядомъ, и, гдѣ только можно, вслѣдствіе стараетъ растворить ихъ вставочными гласными. Онъ даже совсѣмъ отказывается выговаривать двѣ одинакія, или одного органа, согласныя, стоящія рядомъ, каковы напр.: *бб, тт, мм, дд, бн* и т. п.; что иностранцы, несмотря на нѣжное сложеніе языковъ своихъ, часто произносятъ себѣ, не запнувшись. Приведу здѣсь результаты изслѣдованій Прот. Павскаго о построеніи многобуквенныхъ слоговъ.

Въ русскомъ языкѣ возможны слѣдующіе многобуквенные слоги съ согласными, примкнувшими спереди: 1) съ двумя согласными: *звалъ, дна, сна* и проч.; 2) съ тремя согласными: *здравъ, мгла, мзда* и проч.; 3) съ четырьмя согласными: *встрѣга, вскрылъ*, таковое стеченіе бываетъ вообще только въ сложныхъ словахъ; 4) съ пятью согласными: *къ встрѣгъ, къ вскрытію*; но здѣсь собственно уже два слова, и притомъ въ этомъ случаѣ предлогъ перестаетъ быть безгласнымъ: *ко встрѣгъ, ко вскрытію*. Позади гласной въ нашемъ языкѣ могутъ стоять одна, двѣ, три или даже четыре согласныхъ, напр.: *разъ, ростъ, горсть, герствъ* и проч. Но въ обоихъ случаяхъ необходимо требуется, чтобы среди трехъ, четырехъ или даже пяти согласныхъ были двѣ или три согласныя, удобныя для сочетанія, каковы: *р, л*, называемыя даже полусогласными, а также *в, с* весьма близкія къ придыханіямъ. Въ случаѣ накопленія многихъ трудныхъ для выговора согласныхъ въ одномъ слогѣ, онъ разлагается на два чрезъ вставку бѣглой гласной; если же въ числѣ этихъ согласныхъ будутъ придыханія или полусогласныя буквы *й, ъ, ж, н*, то онъ охотно превращается въ гласныя: *и, ѳ, у, л*. При встрѣчѣ несочетаемыхъ буквъ, одна изъ нихъ перемѣняется на другую, сродную съ нею и удобную для сочетанія.

Для облегченія слога буквы часто переставляются, и нѣкоторыя изъ нихъ иногда даже и совсѣмъ выбрасываются.

Московское нарѣчіе отличается отъ другихъ особеннымъ произношеніемъ гласныхъ *a* и *o*, которыя въ немъ даже часто превращаются одна въ другую. А въ окончаніи род. падежа именъ прилаг. *аго* по московскому нарѣчію переменяется въ *о* — *ова*, но отнюдь не *ово*, какъ нѣкоторымъ это кажется. Вслушиваясь въ народный выговоръ, нельзя не различить этого яснаго конечнаго *a* отъ глухаго *o*, часто заступающаго мѣсто *o* безъ ударенія. Всего лучше это можно видѣть въ род. падежѣ прилаг. фамильныхъ, каковы: *Толстѣй*, *Большѣй* и т. п., кто же напишетъ (если бы Грамматики позволили) или скажетъ: *у Графа Толстова, отъ Доктора Большова*? Къ тому же окончаніе *a* въ род. падежѣ муж. и ср. родовъ именъ прилаг. ничуть не странно, и, можетъ быть, образовалось по аналогіи съ родительнымъ падежемъ именъ сущ. тѣхъ же родовъ, что постоянно встрѣчается и въ другихъ языкахъ, напр. хоть въ латинскомъ, гдѣ въ именахъ прилаг. повторяется склоненіе именъ существительныхъ. Вѣроятно соблазняетъ многихъ окончаніе род. падежа мѣстоименій: *кого, того, моего*, которыя въ самомъ дѣлѣ произносятся: *ково, тово, моево*. При выговорѣ *доброва* вм. *доброа* три буквы потерпѣли измѣненіе: *a* превратилось въ *o*, и наоборотъ, конечное *o* въ *a*, а совсѣмъ выброшено и *e* заступило его мѣсто. Впрочемъ такое произношеніе исключительно свойственно московскому нарѣчію и только отчасти рязанскому. Въ послѣднемъ замѣчательно распаденіе народнаго выговора; тогда какъ всѣ горожане и помѣщичьи крестьяне говорятъ: *доброва, салава, ево*, однодворцы, часто живущіе только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, произносятъ всегда: *доброа, салаа, ево*, за что истые Москвичи и прозвали ихъ *лгутками*.

О короткое, т. е. безъ ударенія весьма часто въ московскомъ нарѣчій и большею частію въ рязанскомъ произносится глухо и переходитъ въ неясное *a*, что впрочемъ можно встрѣтить не въ одномъ русскомъ языкѣ; ученый Кривгеръ замѣчаетъ тоже и въ нѣмецкомъ *).

Изъ числа прочихъ гласныхъ должно упомянуть *o* буквы *и*, которая по московскому нарѣчію произносится весьма обыкновенно, и потому напрасно нѣкоторые учатъ произносить ее какъ *йи* (*ji*) въ словахъ: *ихъ, иль, ими*. Эти слова произносятся: *йихъ, йиль, йими* только въ здѣшнемъ рижскомъ нарѣчій, подражающемъ во многомъ бѣлорусскому, гдѣ обыкновенно говорятъ *йѣнъ, йѣна* и т. п., а московскому нарѣчію такое произношеніе совершенно чуждо.

Гласная *и*, столь многихъ Нѣмцевъ приводящая въ отчаяніе, въ именительномъ падежѣ ед. числа именъ прилагательныхъ муж. рода во всѣхъ великорусскихъ нарѣчійхъ произносится какъ глухое или короткое *o*, т. е. среднее между *o* и *a*, но ближе къ этому послѣднему, напр. *милѣй, доброй*. Грамматики скопировали окончаніе *ий* изъ церковнославянскаго языка. Можетъ быть Моравы или Болгары когда нибудь и говорили *добрий*, но Русскіе едвали. Равно какъ и тонкое окончаніе при-

*) Im Allgemeinen gilt die Regel, und nicht allein in der Deutschen Sprache, dass die kurzen Vocale hoch gesprochen werden. Deshalb neigt sich das kurze *o* zum *a*, wie es auch in der hebräischen Vocalschrift auffallend durch dasselbe Zeichen ausgedrückt wird. Eben so geht im Englischen das kurze *u* zum *o* hinauf. Man spreche z. B. Sonne mit demselben Stammvocal gedehnt aus, indem man den Consonanten verkürzt, so wird es klingen wie Saue, zwischen *a* und *o*, doch mehr nach dem *a* hin. — Uebers. der Plattdeutsch. Seite 23.

лагательнаго *ий* существуетъ только на бумагѣ, а на дѣлѣ произносится какъ *ей*, напр. *синей*, хотя грамматики на зло природѣ и научили уже многихъ изъ насъ произносить это какъ и многое другое по своему. Сюда же должно отнести изобретенныя грамматиками формы именъ прилагательныхъ въ имен. падежѣ множ. числа для муж. рода *е*, для женск. и средняго *л*, чего въ живой рѣчи услышать никогда не доведется. Напротивъ того всѣ говорятъ: *умнии люди*, *синии стекла*, *краснии* (или даже красные) *дѣвицы*. Точно такой же выговоръ существуетъ и въ малороссійскомъ языкѣ, слѣд. онъ есть общерусскій.

Въ разсужденіи выговора согласныхъ буквъ считаю также нужнымъ представить нѣкоторыя замѣчанія.

Звукъ *с* передъ твердыми гласными и въ концѣ словъ предъ *з* и *ь*, какъ извѣстно, произносится по московскому нарѣчію за *ш*, напр. *шсѣ рѣшз*, но въ рязанскомъ нарѣчій (особенно у однодворцевъ), и въ малороссійскомъ непринялась иностранная буква *ш*, несвойственная ни одному изъ славянскихъ языковъ въ ихъ первоначальномъ составѣ, хотя къ ней многие изъ нихъ теперь такъ охотно привыкли. По рязанскому нарѣчію даже въ окончаніяхъ словъ предъ *з* и *ь* звукъ *с* произносится какъ глухое придыханіе, а не какъ ясное *ш*; но въ иностранныхъ словахъ буква *ш* никакъ устоять не можетъ, и всякій разъ измѣняется въ *х*, *к* или *хс* напр. *Храниузз*, *Хелимпз*, *Хранцз* или *Кранцз* вм. Французъ и пр.

Звукъ *з* по московскому нарѣчію въ началѣ и срединѣ словъ произносится твердо какъ латинское *g*, но въ рязанскомъ нарѣчій, отчасти и въ новгородскомъ есть только мягкое *з*, подобное латинскому *h*. На концѣ слова предъ *з* *з* произносится близко къ *х* и вообще не такъ ясно, но еще далеко отъ *к*, какъ нѣкоторые учатъ выговаривать: порогъ какъ *порокз*, лугъ какъ *лукз*, врагъ какъ *вракз*, могъ какъ *мокз*, другъ какъ *друкз*. Для такой путаницы геній русскаго языка слишкомъ остороженъ; тѣмъ предосудительнѣе учить такому произношенію иностранцевъ, которые, наладивъ выговаривать *друкз* вм. *друзз*, не поколеблются просклонять: *друка*, *друку*, *друки* и. т. д.

Точно также можно замѣтить о буквѣ *к*, которая предъ *т* и *з* произносится за *х* только въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчійхъ, но не въ московскомъ, а потому не слѣдовало бы научать такому произношенію: *хз гелму*, *хз кому*, и. т. д. Сюда же должно отнести звукъ *ц*, который нѣтъ никакой надобности Нѣмцамъ произносить за *тс*, какъ нѣкоторые ихъ учатъ, и выговаривать *царица* какъ *тсаритса*, потому что въ нѣмецкомъ языкѣ есть своя буква, гораздо ближайшая къ *ц*, именно *z*, и вышеприведенное слово Нѣмцамъ гораздо правильнѣе написать и произнести *Zariza*, нежели *Tsaritsa*, тѣмъ болѣе что въ московскомъ нарѣчій бываетъ совершенно наоборотъ, т. е. *тс* а иногда *дс* произносятся какъ два *ц*, напр. *рузаюцца*, *дваццать*. Эта же буква есть пробный камень, на которомъ чистые Русскіе узнаютъ обрусѣвшихъ Финновъ, которые въ своемъ первобытномъ языкѣ вѣроятно не имѣли ни буквы *з* ни *ц*, а потому вмѣсто первой употребляютъ теперь *ц*, а вмѣсто второй *сц*, напр. *Цервь*, *целовцкз*, *сцавель*, *топорисце* и проч. И какъ многіе изъ нихъ, особенно урожденцы обильныхъ лѣсами сѣверовосточныхъ уѣздовъ Рязанской Губерніи, такъ называемые Мещеряки, занимаются плотничествомъ, и ходятъ съ своими длинными топорами на промыселъ по всей губерніи, то ихъ вездѣ зовутъ въ насмѣшку: *Мещеряки*, *длинные топорисцы*. Въ Рязани до сихъ поръ въ ходу забавный анекдотъ про нихъ. Трое такихъ плотниковъ, пришедши въ Рязань, съ изумленіемъ глядѣли на высокую каменную колокольную: „эко кокая свороцена!“ воскликнулъ одинъ изъ нихъ — „Эфто цто свороцена; — какъ вонъ энта то вколоцена?“ прибавилъ другой, показывая пальцемъ на крестъ. — „Цтожь тутъ цуда, — нагнута да и воткнута!“ объяснилъ замысловато послѣдній изъ нихъ, краса мещерскихъ архитекторовъ.

Звук *ш* въ московскомъ нарѣчїи выговаривается звонко какъ *сг*, тогда какъ въ рязанскомъ глуше, болѣе какъ *шг* или даже *шш*, напр. *свѣдущіи* вм. свѣдущіе, надѣ чѣмъ Москвичи крѣпко подсмѣиваются. Олнодворцы же рязанской губерніи весьма прїстрасны къ этой буквѣ, и говорятъ напр. *шо* вм. что, какъ и Малоруссы.

При изчисленїи главнѣйшихъ особенностей московскаго нарѣчїа можно было видѣть, что нынѣ общеупотребительный письменный языкъ, хотя въ основѣ его лежитъ московское нарѣчїе, часто однакожъ не одобряетъ московскаго выговора словъ, и держится правописанїа, ему противорѣчащаго. Отсюда проистекаетъ странное раздвоенїе языка на книжный и разговорный, дѣйствительно затрудняющее изученїе его для иностранцевъ. Виновникомъ такого раздвоенїа обыкновенно считаютъ народный выговоръ, обвиняя его въ *самоуправствѣ* и пренебреженїи смысломъ словъ. Посему нѣкоторые утверждаютъ, что въ русскомъ языкѣ смыслъ словъ и выговоръ ихъ въ непримиримой борьбѣ между собою; и тогда какъ смыслъ, уступивъ нѣкоторымъ вопїющимъ требованїямъ выговора, далѣе не хочетъ поблажать ему; сей послѣднїй, нимало не заботясь о первомъ, идетъ себѣ своего дорогою. Конечно, если считать защитниками смысла словъ правописателей нашихъ, а народъ законодателемъ выговора словъ, то будетъ совершенно понятно, отъ чего они не могутъ согласиться — отъ того что неимѣютъ привычки сходиться и заводить между собою знакомство, которое для первыхъ было бы чуть ли не назидательнѣе, чѣмъ для послѣдняго. Но упрекать народный выговоръ въ равнодушїи къ смыслу словъ мнѣ кажется весьма неосновательнымъ; потому что всякій говорящїй болѣе всего старается придать словамъ своимъ нужный смыслъ, и никто не станетъ говорить безъ надежды быть понятымъ. Вся разногласїа и всѣ недоразумѣнїа между книжнымъ и разговорнымъ нашимъ языкомъ произошли отъ того, что первый образовался подѣ сильнымъ влїанїемъ церковно-славянскаго, который, какъ извѣстно, никогда не былъ живою рѣчью въ устахъ Русскаго народа, а составленъ около 10ти вѣковъ тому назадъ изъ одного, а можетъ быть изъ смѣси нѣсколькихъ славянскихъ западныхъ нарѣчїй. До временъ Петра Великаго у насъ и писали только церковно-славянскимъ языкомъ, и хотя сей великїй преобразователь ввела по крайней мѣрѣ въ письменность русскїй алфавитъ, но слѣдовъ русскаго склада рѣчи весьма мало можно найти у писателей прошедшаго столѣтїа; такъ что, прочитавши первыя творенїа Карамзина, многіе провозгласили, что Карамзинъ открылъ русскїй языкъ, какъ Колумбъ Америку. Впрочемъ сія прекрасная часть свѣта, „текущая медомъ и млекоиъ“, существовала себѣ не смотря на неизвѣстность свою Европейцамъ. Черезъ 20 сѣе небольшой лѣтъ Пушкинъ написалъ свою исторїю Пугачевского бунта и нѣкоторыя повѣсти, при чтенїи коихъ сердца наши забились, какъ при встрѣчѣ съ кровнымъ-роднымъ. Дѣло впрочемъ весьма обыкновенное, что самая простая истина для мудрователей бываетъ наиболѣе недоступна, и на то, что всѣмъ и каждому видно, закрыты ихъ очи. Какъ ни страннымъ однако всякому не предубѣжденному должно казаться, что у насъ къ русской рѣчи прилагаются законы правописанїа, выведенные изъ церковно-славянскаго языка; не смотря на то у насъ многіе глубоко ученые люди считаютъ это необходимымъ на томъ основанїи, что выговоръ, предоставленный самому себѣ, извращаетъ порядокъ буквъ въ словахъ, которыя чрезъ то лишаются не рѣдко своего первоначальнаго смысла. Мы сейчасъ разсмотримъ, до какой степени справедливо такое опасенїе. Но прежде того (такъ какъ послѣдовательность есть главное во всякомъ дѣлѣ, а противорѣчїе самому себѣ — плохое ручательство за истину) можно сдѣлать слѣдующїй уголовный упрекъ нашей Грамматикѣ. Научая насъ въ орфографїи правильно писать то, что мы будтобы неправильно произносимъ, зачѣмъ же чрезъ нѣсколько страницъ послѣ того она учитъ насъ неправильно (по ея мнѣнїю) выговаривать то, что правильно писать мы сейчасъ только отъ ней научились. Это похоже на мудрыя отеческія наставленїа, въ родѣ слѣдующихъ: „добродѣтель полезна, а пороки вредны; твори же добродѣтель, да и порока не оставляй.“ Вѣдь

Грамматика Русская еще съ давнихъ временъ присвоила себѣ право учить насъ не только правильно писать но и говорить порусски. И хотя (какъ мы это сейчасъ видѣли), забывавъ сію послѣднюю свою обязанность, она учить насъ иногда говорить и неправильно, т. е. противъ ея убѣжденій; но вообще должно отдать ей справедливость, что она многое успѣла сдѣлать и въ пользу своихъ убѣжденій. Ибо ей обязаны мы тѣмъ, что книжный языкъ нашъ, не смотря на труды многихъ гениальныхъ нашихъ писателей, все таки подъ часъ какъ то неворотливъ, вяль и полумертвъ. И если справедливо замѣчаніе нѣкотораго остряка, что мы пишемъ иногда такъ, какъ никто не говоритъ, а говоримъ нерѣдко такъ, что насъ немногіе понимаютъ; то это значитъ толко, что „угенье намъ въ наукѣ пошло.“ Теперь обратимся къ главному вопросу: дѣйствительно ли народъ безъ онеки грамматистовъ способенъ исказить свою рѣчь. Русскій языкъ сложился, возросъ и укрѣпился прежде, нежели грамматисты увидали свѣтъ Божій, и, не смотря на сіе обстоятельство, глубокіе знатоки русскаго языка изумляются разумному его составу и построению, его этимологій самой логической и обильной неистощимыми средствами. Оно и понятно, потому что гений языка гениальнѣе самыхъ гениальныхъ своихъ стилистовъ, которые тѣмъ превосходнѣе, чѣмъ глубже черпаютъ изъ неистощимой сокровищницы народнаго слова. Послѣ этого какимъ же образомъ можно себѣ представить, чтобы народъ въ духовномъ своемъ развитіи разучился такту собственной своей рѣчи, и усвоилъ бы себѣ выговоръ, несогласный съ природою и духомъ своего языка. Значитъ, невозможное дѣло, чтобы народный выговоръ искажалъ составъ словъ и чрезъ то уничтожалъ ихъ значеніе, и на языкъ должно смотрѣть, какъ на живой организмъ, который развивается самъ изъ себя, собственными своими средствами, по необходимымъ, а слѣдовательно разумнымъ условіямъ своей природы. Изъ сею заключить должно, что грамматисты могутъ быть названы наблюдателями, или, если хотите, историками языка, но отнюдь не его законодателями. Противъ этого возразить могутъ, что нѣкоторыя областныя нарѣчія явно отступаютъ отъ чистоты языка, и представляютъ собою образцы испорченныхъ діалектовъ; но это справедливо только въ отношеніи къ пограничнымъ областнымъ нарѣчіямъ, въ которыхъ русскій элементъ по необходимости смѣшался съ иноплеменнымъ, каково напр. здѣшнее рижское нарѣчіе, утрадившее между прочимъ и творительный падежъ множ. числа, удовольствовавшись однимъ дательнымъ, напр. *дѣлай рукавъ, а непоказывай локтлмг.* Впрочемъ нѣтъ никакой надобности изучать русскій языкъ по этимъ испорченнымъ его діалектамъ; есть другія чисто русскія нарѣчія, гдѣ языкъ живетъ во всей своей независимой цѣлости. Помнител, Пушкинъ сказалъ же, что никто такъ правильно порусски не говоритъ, какъ московскія просвири. И такъ: *ищите и обрящите.* Между тѣмъ извѣстный филологъ нашъ, Протоіерей Павскій, называя отступленія выговора отъ правописанія самоуправствомъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ объявляетъ всѣ эти отступленія изъ основныхъ законовъ и духа русскаго языка, и значитъ, самъ признаетъ разумную необходимость т. е. правильность сихъ мнимыхъ неправильностей выговора. Слѣдовательно при несогласіи выговора съ правописаніемъ можно обвинить это послѣднее въ самоуправствѣ съ большею основательностію; потому что Русскому весьма естественно говорить порусски, а правописателямъ нѣтъ никакой стати писать русскую рѣчь по славянски, или, я ужъ не знаю, покаковски.

При изученіи предзнашенія въ русскомъ языкѣ иностранца встрѣчаетъ одна — дѣйствительно важная трудность, — это слогаудареніе. Изученіе слогаударенія (или, можетъ быть, правильнѣе *словоударенія*) — дѣло весьма трудное во всякомъ языкѣ, въ которомъ удареніе не неподвижно, какъ напр. въ русскомъ, гдѣ оно можетъ стоять на послѣднемъ, предпослѣднемъ, третьемъ, четвертомъ, пятомъ, шестомъ и даже седьмомъ отъ конца слогамъ, напр. *звонѣкъ, звонѣкъ, жалоба, жалобами, займашельностію, правішельствующѣму, послѣдовательностію.* Нѣмцы вообще съ трудомъ привыкаютъ произносить правильно слова, подобныя послѣднимъ, уже и

потому, что ударенія въ нѣмецкомъ языкѣ не такъ высоки, сильны и напряженны, какъ въ русскомъ. Въ многосложныхъ нѣмецкихъ словахъ слышно какъ будто по два или даже по нѣскольку едва замѣтныхъ возвышеній голоса, потому что каждое слово, входящее въ составъ другаго, удерживаетъ отчасти свое собственное удареніе, хотя и подчиняетъ его нѣскольکو ударенію главнаго слова, напр. Schloßstúrm, Vátérlandslíebē, Angélegenheiten. Въ каждомъ изъ послѣднихъ двухъ словъ замѣтны три ударенія, одно главное, на которомъ впрочемъ сила голоса отнюдь не сосредоточивается, но расплывается и на подчиненныя, которыхъ въ каждомъ словѣ по два. Наконецъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ словахъ, напр. Sícherheitsmáßregēln слышны два главных ударенія, и каждое изъ нихъ имѣетъ по одному подчиненному. Отъ того Немецъ обыкновенно произноситъ многосложныя русскія слова весьма вяло, и какъ бы съ насиліемъ влечитъ по нимъ утомленный голосъ свой; тогда какъ Русскій выговариваетъ подобныя слова легко и свободно; потому что слогъ съ удареніемъ для него есть какъ бы верхняя нота музыкальной скалы, по которой голосъ его съ возрастающею быстротою поднимается, потомъ на удареніи сосредоточиваетъ тѣмъ болѣе силу, чѣмъ длиннѣе слово, и отъ него опускается съ постепенною медленностію. И потому слово, какъ бы многосложно оно ни было, вытекаетъ изъ устъ цѣлостно и выпукло.

Другое затрудненіе при изученіи слогаударенія состоитъ въ томъ, что въ склоненіяхъ удареніе часто перебѣгаетъ съ одного слога на другой. Несмотря на всю важность этого обстоятельства, обыкновенно не обращаютъ на него должнаго вниманія при первоначальномъ обученіи, и глядятъ сквозь пальцы, если ученики по странному, вкоренившемуся здѣсь, обычаю при склоненіяхъ совлекаютъ ударенія всегда на падежныя окончанія, и склоняютъ такъ: *стаканъ, стаканъ, стаканъвъ* и т. д. — Такое неблагообразное произношеніе тѣмъ предосудительнѣе, что отучить отъ него мальчика въ послѣдствіи нѣтъ почти никакой возможности. Къ этому подають дурной примѣръ и природныя Русскіе, особенно въ здѣшнихъ провинціяхъ, гдѣ ставятъ ударенія весьма превратно и говорятъ напр. *водѹ, стѣнѹ, дѣла, нѣла, сыта* и т. п., да и многіе даже изъ ученыхъ имѣютъ весьма непохвальную привычку, вѣроятно для оригинальности, отличатся удареніями собственнаго изобретенія, и говорятъ на перекорь всему свѣту: *мѣсяцѣвъ концѣ, бѣецѣ*, и т. п. Конечно для приученія къ правильнымъ удареніямъ весьма много способствуетъ чтеніе книгъ, напечатанныхъ съ удареніями, но и здѣсь ученики ставятъ ударенія правильно только въ знакомыхъ словахъ, значеніе коихъ имъ извѣстно; а то обыкновенно при непрерывномъ чтеніи они не имѣютъ досуга взглянуть на надстрочные знаки, имѣя за глаза работы и въ строкѣ. Да и нельзя ожидать отъ нихъ такой развязности въ чтеніи, какъ отъ природнаго Русскаго, которому самый смыслъ рѣчи подсказываетъ глазамъ долговязыя окончанія многихъ нашихъ словъ.

Не безъ пользы было бы также изученіе нѣкоторыхъ ортоэпическихъ правилъ, излагаемыхъ кратко въ нѣкоторыхъ нашихъ грамматикахъ. — Но уже самое начало большей части этихъ правилъ: „Многія или нѣкоторыя слова“ лишаетъ бодрости ученика, справедливо воображающаго, что „множайшихъ словъ“ онъ и въ глаза не увидитъ; а при печальномъ окончаніи этихъ одинокихъ правилъ и разроешихся семьями исключеній изъ нихъ: „и проч. и т. п.“ или „и н. д.“ у самыхъ ретивыхъ учениковъ опускаются руки, да и учителю остается только кусать себѣ губы. Ученикъ въ отчаяніи, не зная, гдѣ ему искать *этихъ прогнхъ и тому подобныхъ* и когда онъ увидитъ *нѣкоторыхъ другихъ*; съ своей стороны не всякій также учитель осмѣлится ввести ученика въ эту terra incognita, такъ заманчиво разстилающуюся за предѣлами *многихъ другихъ и имлъ подобныхъ*.

Къ столь же утѣшительнымъ результатамъ приводитъ изученіе русскаго слога-

ударенія по методѣ тѣхъ нашихъ ортоэпистовъ, которые излагаютъ эту часть грамматики со всевозможною подробностію. При чемъ правила въ сиротливомъ своемъ одиночествѣ представляются неудавшимися маленькими плантаціями среди непроходимаго, дремугаго лѣса исключеній, дополненій, замѣчаній и примѣчаній всевозможныхъ шрифтовъ. Это такой лабиринтъ, изъ котораго и самъ учитель едва можетъ выбраться и то съ ариадниной нитью инстинкта, который передать ученику онъ однакоже не можетъ. И вообще одинъ взглядъ на такую необозримую громаду правилъ и исключеній повергаетъ силы человѣческія въ изнеможеніе, и самый ревностный ученикъ пожалуй не удержится отъ восклицанія: *ars longa, vita brevis!* Само собою понятно, что въ языкѣ непременно существуютъ же основные законы слогуударенія, которые уже потому самому, что они основные, не могутъ быть многочисленны; но ихъ надобно искать, чтобы отыскать. А въ ожиданіи того единственнымъ средствомъ къ изученію слогуударенія остается пока навыкъ, хотя достигнуть этого навыка весьма не легко; для этого нужно не менѣе, какъ практическое знаніе языка. Легчайшій путь къ такому навыку, по моему мнѣнію и опытному убѣжденію, состоитъ въ томъ, чтобы заставить учениковъ какъ можно болѣе читать или даже учить наизусть русскія стихотворенія особенно новыхъ поэтовъ, которые въ отношеніи слогуударенія гораздо послушнѣе духу языка, и далеко не въ такомъ разладѣ живутъ съ нимъ, какъ поэты наши прошедшаго напр. столѣтія. При чтеніи стиховъ ученикъ по необходимости ставитъ ударенія на приличныхъ мѣстахъ, побуждаемый къ тому теченіемъ рима.

Печатать позволяется,
съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлено было въ ценсурный комитетъ законенное
количество экземпляровъ.

Дерптъ, 30. Апрѣля 1846 года.

(М. П.)

Ценсоръ Михаилъ Розбергъ.

Bei dem Gymnasium zu Riga,

das in diesem Jahre in dem Herrn Hofrath A. Seidlitz aus Moskau einen neuen Inspector erhalten hat, nachdem der zeitherige, Herr Hofrath Newerow, als Gouvernements-Schulen-Director in Tschernigow von hier versetzt worden, wird die öffentliche Prüfung am 26. Junius Vormittags von 8 bis 12 Uhr und Nachmittags von 3 bis 5 Uhr, und zwar aus folgenden Fächern statthaben:

In **Prima**: Religion, der Oberlehrer, Herr Oberpastor Dr. Bertholz. — Lateinisch (Horaz), Herr Oberlehrer, Coll.-Assessor Dr. Krohl. — Geschichte, Herr Oberlehrer, Coll.-Rath Kühn. — Russisch, Herr Oberlehrer Schafranow.

In **Secunda**: Latein (Livius), Herr Oberlehrer Dr. Krohl. — Mathematik, der Oberlehrer, Herr Coll.-Rath Dr. Deeters. — Griechisch, Herr Oberlehrer, Coll.-Assessor Kranzhals. — Geschichte Rußlands, Herr Oberlehrer Schafranow.

In **Tertia**: Geographie Rußlands, Herr Hofrath Reshenzow. — Latein, der wissenschaftliche Lehrer, Herr Coll.-Assessor Kurzenbaum. — Algebra, Herr Coll.-Rath Dr. Deeters. — Französisch, Herr Hofrath Henriot.

In **Quarta**: Geographie, der wissenschaftliche Lehrer, Herr Coll.-Assessor Kurzenbaum. — Russisch, Herr Hofrath Reshenzow. — Geschichte, Herr Coll.-Rath Kühn. — Griechisch, Herr Coll.-Assessor Kurzenbaum.

In **Quinta**: Geschichte, Herr Coll.-Rath Kühn. — Russisch, der Lehrer dieser Sprache, Herr Rath Dserow. — Kopfrechnen, Herr Oberlehrer Dr. Deeters.

Der feierliche Entlassungsact wird am 27. Juni von 10 Uhr Vormittags an stattfinden und von dem Oberlehrer der mathematischen Wissenschaften, Herrn Coll.-Rath Dr. Deeters, mit einem wissenschaftlichen Vortrage eröffnet werden, der „über das Nützlichkeitsprincip bei der geistigen Ausbildung“ handeln wird. Entlassen werden diesmal achtzehn von den Zöglingen des Gymnasiums, welche ihren Schulcurfus beendet und ihre Befähigung zu höhern Studien in der Entlassungs-Prüfung dargethan haben. Von diesen werden fünf redend auftreten, und zwar:

Robert Adam Stark, aus Riga, will Theologie studiren; hält eine deutsche Rede über Schiller's Ausspruch: „Allen gehört, was du denkst; dein eigen nur ist, was du fühlst: Soll er dein eigen seyn, fühle den Gott, den du denkst.“

Gustav Friedrich Hackel, aus Livland, widmet sich dem Studio der Rechte, spricht russisch über die Volksthümlichkeit der Fabeln von Krülow.

Carl Reinhold Grave, aus Riga, wird Theologie studiren; verbreitet sich in lateinischer Sprache über das Thema: daß das Studium der griechischen und römischen Schriftsteller der religiösen Ausbildung der Jugend nicht nachtheilig sey.

Julius Eugen Laurenty, aus Riga, geht zum Studium der Medicin ab; spricht in deutschen Versen über Göthe's Distichon: „Alles entsteht und vergeht

nach Gesetz; doch über des Menschen Leben, den köstlichen Schatz, herrschet ein schwankendes Loos. //

Heinrich Nicolaus Mänchen, aus Riga, hält in französischer Sprache eine Rede über die Nichtigkeit irdischer Ehren, mit Beziehung auf eine Stelle aus Voltaire's *Henriade* Ch. VII.

Die Namen der übrigen dreizehn Dimittenden sind:

Reinhold Ernst Leonhard Girgensohn, aus Livland,	} Theologen.
Piers Hermann Otto, aus Wolmar,	
Johann Heinrich Andreas Lemke, aus Riga,	
Johann Julius Richard Stümer, aus Riga,	} Mediciner.
Heinrich Ludwig Schweinberger, aus Memel,	
Ernst Otto Sigismund Hündeberg, aus Riga,	
Carl Christian Dieberg, aus Reval,	
Leopold Cohn, aus Riga,	
Franz Rudolph Schulz,	} aus Riga, widmen sich philosophischen Studien.
Theodor Heinrich Weiß,	
Georg Nicolai von Stein,	
Johann Alexander Taube,	
Conrad Theodor Eberhard Kröger,	

Nach Beendigung jener fünf Reden wird der Gouvernements = Schulen = Director das Wort nehmen und der Versammlung einen Bericht über die Thätigkeit und die Ereignisse des Gymnasiums im vergangenen Schuljahre vortragen, und darauf an die abgehenden Schüler Worte des Abschiedes und der Entlassung richten. Zum Schlusse wird der Gymnasiast erster Classe, Paul Dyrsen, Namens seiner Mitschüler, den Scheidenden ein Lebewohl, und der Versammlung für die geschenkte Theilnahme ehrerbietigsten Dank sagen.

In der Domschule

findet dieses Mal keine öffentliche Prüfung statt, sondern wird solche bei derselben von nun an vor Weihnachten gehalten und dazu jedes Mal durch eine besondere Schrift eingeladen werden.

Die russische Kreissschule

hat durch den Tod ihren wissenschaftlichen Lehrer Herrn Peter Zirg, aus St. Petersburg, noch im vorigen Jahre verloren und an seine Stelle den Herrn Coll. = Registrator Roman Lunin aus Dorpat zum Lehrer erhalten. Bei ihr wird die öffentliche Prüfung am 28. Junius von 9 Uhr an vor sich gehen und sich über folgende Gegenstände verbreiten:

In beiden Classen zusammen: Religion, nach dem Bekenntnisse der orthodox-griechischen Kirche, Herr Protobierej Kuninsky, — nach dem evangelisch = lutherischen Lehrbegriff, der Lehrer Herr Rath Berner.

In der obern Classe: Geschichte Rußlands, der Inspector und wissenschaftliche Lehrer, Herr Coll.-Assessor und Ritter Blagoweschtschensky. — Geometrie, der wissenschaftliche Lehrer, Herr Coll.-Registrator Lunin.

In der untern Classe: Allgemeine Geographie, Herr Inspector, Coll.-Assessor Blagoweschtschensky. — Arithmetik, Herr Coll.-Registrator Lunin.

In beiden Classen: Deutsche Sprache, der Lehrer derselben, Herr Rath Berner.

Zum Schlusse werden einige Versuche im Declamiren angestellt, die Censuren verlesen und die Versetzungen bekannt gemacht.

Bei der zweiten Kreis- oder Handelschule

findet gegenwärtig eine Lehrer-Vacanz statt, da dieselbe vor wenigen Wochen ihres vieljährigen treuen Lehrers und Inspectors, Coll.-Assessors Ernst Johann Schwach, durch den Tod beraubt wurde. Die öffentliche Prüfung wird in ihr am 29. Junius von 9 Uhr an in folgender Art vor sich gehen:

In der Handels- und obern Classe zusammen: Religion, der wissenschaftliche Lehrer, gegenwärtige Verwalter des Inspectorats, Herr Rath Glasenapp. — Englisch, Derselbe.

In der Handels- Classe allein: Geschichte Rußlands in russischer Sprache, der Lehrer dieser Sprache Herr Rath Meshenzow. — Handelswissenschaft, Herr Rath Glasenapp.

In der obern Classe: Geometrie, der wissenschaftliche Lehrer, Herr Meyer. — Russische Sprache, der Nebenlehrer derselben, Herr Kennhausen.

In der untern Classe: Deutsche Sprache, der wissenschaftliche Lehrer, Herr Meyer. — Geographie Rußlands in russischer Sprache, Herr Rath Meshenzow. — Russische Sprache, Herr Kennhausen.

Zum Schlusse werden in jeder Classe Declamationsübungen in verschiedenen Sprachen angestellt und die allgemeinen Urtheile der Lehrer über jede Classe verlesen, so wie die Versetzungen bekannt gemacht werden.

Alle höchste und hohe Vorgesetzte und Autoritäten des Landes und der Stadt, vom weltlichen sowohl als geistlichen, vom Militair- wie Civil-Stande, sämtliche Behörden der Provinz und der Stadt, insonderheit Ein Hochedler und Hochweiser Rath der Kaiserlichen Stadt Riga, der Hochwohlgeborene Adel, die Hochwürdige Geistlichkeit aller Confessionen, die Aeltern und Vormünder der Schüler, alle Freunde der Jugendbildung und Gönner des Schulwesens werden hiedurch ehrfurchtsvoll und ergebenst eingeladen, diese Schulfeierlichkeiten mit Ihrer Gegenwart zu beehren.

